

общества, и женщину, живущую своим трудом и склонную к полному самопожертвованию ради счастья другого человека. Однако и этот последний вариант был показан Хвошинской как спорный и неоднозначно положительный.

Литература

Магд-Соэп К. Де. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь / К. Де. Магд-Соэп., пер. с англ. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. 251 с.

Рябцева И. А. Анализ понятий «самоопределение» // Педагогическое образование и наука. 2010. №8. С. 107–111.

Созина Е. К. Внутриличностный гендерный конфликт и формы его выражения в прозе Н. Д. Хвошинской // Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Мужчина глазами женщины. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 153–160.

Строганова Е. Н. Н. Д. Хвошинская: Портрет писательницы в некрологах // Русская литература. 2016. №3. С. 182–188.

Хвошинская Н. Д. Вера // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним). СПб., 1892. Т. 4. С. 440–458.

Хвошинская Н. Д. Повести и рассказы / сост., подгот. М. С. Горячкина. М. : Гослитиздат, 1963. 511 с.

Kichigina V.I. The problem of women's self-determination in the stories of N. D. Khvoshchinskaya

The work of N. D. Khvoshchinskaya is a notable phenomenon in the domestic literary process of the late 40s – 80s of the XIX century. The works of the writer «Pansionerka» (1861), «Vera» (1876) and «Teacher» (1879-1880), written in different periods of the author's life, are considered in the article through the prism of the problem of female self-determination, which is fundamentally important for many writers of the last two centuries. Khvoshchinskaya presents us with the image of the "new woman" of the 60s, as well as the type of female consciousness and behavior of heroines living in a different era, when the social rise of the 60s has already ended, women who are ready to sacrifice themselves for the sake of others.

Keywords: self-determination, «women's question», new woman, Nadezhda Dmitrievna Khvoshchinskaya, fiction.

Ю. А. Ноздрин

(научный руководитель С. И. Ермоленко)

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

Образ Зотоя в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Дикое счастье»: к проблеме «духовного реализма»

Аннотация: в связи с рассмотрением образа одного из героев романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Дикое счастье» (1884) Зотоя Брагина в статье поднимается актуальная для современного маминоведения проблема «духовного реализма». Проводится параллель между Алексием, человеком Божиим, и образом Зотушки, который становится в романе носителем этико-религиозного начала являясь, таким образом, одной из форм выражения авторской позиции.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, «Дикое счастье», образ Зотоя Брагина, «одухотворенный реализм».

Известный исследователь творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка И. А. Дергачев, говоря о произведениях, созданных писателем в 1890-е годы («Охонины брови», «Легенды», «Братья Гордеевы», «Вольный человек Яшка», «Озорник» и др.), считает возможным использовать по отношению к ним термин «одухотворенный реализм». Ученый ссылается на неопубликованные заметки Мамина к роману «Падающие звезды» (1899), где встречается этот термин [Дергачев 1981: 228]. «Одухотворенный реализм» писателя И. А. Дергачев понимает как «синоним того “романтического реализма”, который обнаружен рядом исследователей в творчестве Короленко и некоторых других авторов» [Дергачев 1981: 228]¹: сочетание реалистических принципов изображения действительности с устремленностью к идеалу.

¹См. об этом, напр.: [Фохт 1969: 39–80].

Соглашаясь с наблюдениями И. А. Дергачева, О. В. Зырянов уже решительно утверждает: «В 1890-е гг. Мамин-художник напрямую возвышается до “одухотворенного реализма” не только в своих рассказах с установкой на притчу или легенду...» [Зырянов 2013: 39]. Полагая, что в творчестве писателя получает свое воплощение «особая антропологическая концепция, в которой человек предстает феноменом экзистенциального, психологического и духовно-религиозного порядка» [Зырянов 2013: 31], О. В. Зырянов делает важный, с нашей точки зрения, вывод: «В центре творческого внимания Мамин-художника располагаются проблемы нравственной свободы и волевой активности человека, в обязательном порядке подлежащие духовно-нравственной оценке и согласующиеся с идеей личностной ответственности, внутреннего совестного суда» [Зырянов 2013: 34].

Устремленность к идеалу, по мнению И. А. Дергачева, может выражаться по-разному. Через «условность, приподнятость, преображенность... мира», изображаемого писателем, сквозь призму нравственных представлений и верований, получающих свое выражение в народной поэзии [Зырянов 2013: 207], а также в стилизации под народную поэзию. Автор может непосредственно и опосредованно обращаться к религиозной культуре народа (духовные стихи, легенды, жития), сообщающей произведению духовное начало, использовать принцип контраста, чтобы «показать психологическую, душевную несовместимость человека и глушащей человеческое достоинство системы» [Зырянов 2013: 208]. То есть устремленность к идеалу предполагает у Мамин-Сибиряка «духовно-нравственную оценку» (О. В. Зырянов) изображаемого в свете «народных представлений и верований».

Говоря о романе «Дикое счастье» (1884), И. А. Дергачев отмечал его «притчевый характер», который «появляется вследствие вторжения собственно фольклорных принципов развития сюжета и характерологии» [Дергачев 1977: 92]. Исследователь определяет притчу как «образное развертывание народной философской сентенции», считая важной особенностью жанра «некоторую заданность исходной ситуации и готовый ответ, прочно сложившийся в фольклоре: золото приносит беды и несчастья, обогащение связано с утратой нравственных устоев и душевного покоя...». Именно «образное развертывание» этой «народной философской сентенции» и делает роман «в чем-то похожим на притчу» [Дергачев 1977: 91]. По мнению И. А. Дергачева, «нравственные народные принципы» получают в романе художественное воплощение в образе Зотей Евстратыча Брагина [Дергачев 1977: 93]¹.

Не отрицая притчевого начала в образе Зотей, мы полагаем, что в «Диком счастье» обнаруживается не менее, а, может быть, даже более значимое для понимания образа героя и смысла всего романа житийное начало. Житийное начало в романе проявляется, с нашей точки зрения, благодаря неоднократно возникающим в романе параллелям, ассоциациям, соотносящим образ Зотей с Алексием, человеком Божиим – героем жития и духовных стихов. Вследствие этого Зотей Евстратыч выступает в романе не только как «выразитель нравственных народных принципов», но и как носитель этической, всечеловеческой правды.

Выскажем предположение, что Мамин-Сибиряк, создавая образ Зотей, ориентировался на популярного героя духовных стихов и жития Алексия, человека Божия².

Вспомним, что эту же ориентацию на житийное повествование отмечают исследователи и в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880). Так, по мнению В. Е. Ветловской, образ автора-повествователя создается с явной оглядкой на автора житийного повествования, что становится формой выражения авторской позиции [Ветловская 1977: 17–51]. Говоря об образе Алеши Карамазова, исследователь прямо соотносит судьбу героя, преодолевающего мирские искушения на пути к праведничеству, с каноническим сюжетом «Жития об Алексии – Божьем человеке» и духовными стихами о нем [Ветловская 1977: 161–192]. Отметим в этой связи неслучайность имени героя Достоевского. Продолжая и уточняя мысль В. Е. Ветловской, Г. К. Щенников относит образ Алеши к типу героя-подвижника, праведника, у которого «самопожертвование сопряжено с христианской любовью к людям и постоянным проявлением деятельного добра» [Щенников 1996: 131].

Образ Алексия, человека Божия, – это идеал народный¹. Об этом свидетельствует частотность обращения к данному сюжету в духовных стихах, а также востребованность духовных стихов об

¹«Зотушка – “из блаженненьких”, чтимых в народе. Его не коснулась страсть обогащения, именно он является выразителем нравственных народных принципов» [Дергачев 1981: 93].

²Мамин-Сибиряк был знаком с текстами духовных стихов и жития об Алексии, человеке Божиим. Как известно, отец писателя Наркис Матвеевич был священником: в 1848 году он «окончил Пермскую духовную семинарию», «летом 1852 года был переведен в церковь Висимо-Шайтанского завода». Да и сам Д. Н. Мамин-Сибиряк учился сначала в Екатеринбургском духовном училище, а потом в Пермской духовной семинарии, правда, как и училище, не окончил ее [Дергачев 1981: 10, 14–15].

Алексии в среде старообрядцев. Излюбленным у старообрядцев был также стих «Про убогого Лазаря», который иногда напевал герой романа Мамин-Сибиряка Зотушка.

Об осознанном обращении Мамина именно к «Житию об Алексии – Божьем человеке» свидетельствует многое. Алексей – желанный сын, данный Богом: «И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж» [Житие и жизнь святого Алексия]. Зотей – не только плод греха, но и любви (Татьяна Власьевна любила Пятова, а вот Гордея Гордеевича нет). Да и пить Зотей начал из-за чрезмерной любви матери: «Судьба Зотушки, любимого сына Татьяны Власьевны, повторяла собой судьбу многих других любимых детей – он погиб именно потому, что мать не могла выдержать с ним характера и часто строжила без пути, а еще чаще миловала» [Мамин-Сибиряк 1981: 52]. Оба для своей семьи все равно что мертвы: «И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его». Алексей, возвратившись домой, живет не узанным отцом, матерью и женой. Зотей же с самого начала воспринимается в семье как чужой, и живет он не «в большом старинном доме» вместе со всеми, а «ютится» в «отдельной каморке» «приюта для старух».

Сближает святого и Зотушку и уход из дома: оба забирают то, что им принадлежит – свою долю в «богачестве». Алексей забирает «часть своего богатства», а Зотушка – «жилку», с которой пошло богатство Брагиных: «Мне твоих денег не надо, а ты мне отдай камешек, который лежит тут же с деньгами... только и всего...» [Мамин-Сибиряк 1981: 260].

В Алексии сильно желание уйти от мирской суеты: «Спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог милостивый и Спаситель» [Житие и жизнь святого Алексия]. Спасение Алексей ищет в храме, где «лежит образ Господа нашего Иисуса Христа». И Зотей Евстратыч, покидая после всех злополучных событий брагинский дом, идет в церковь. Финал романа остается открытым: «Зотушка истолок в ступе Маркушкину жилку и той же ночью всыпал ее в церковную кружку» [Мамин-Сибиряк 1981: 261]. Дальнейшая судьба героя остается неизвестной читателю. Однако важна одна деталь: превращенный в порошок «кусоч кварцу», который из припрятанного тайника Татьяны Власьевны забирает Зотушка («только и всего...»), становится своего рода символом его личной моральной победы над золотом как злом, погубившим некогда крепкую патриархальную семью Брагиных. Да и всех в Белоглинском заводе, кого коснулась разрушительная тяга к неудержимому накоплению. Тот факт, что золотой порошок Зотушка несет именно в церковь, придает поступку героя некий высший смысл, утверждая победу духовных начал над уродующим человека корыстолюбием.

В основе образа Зотей Евстратыча лежит принцип контраста: несоответствие внешнего облика героя его внутреннему содержанию. На первый взгляд, он производит даже отталкивающее впечатление: «чахоточная грудь», «липкие жиденькие пряди волос», большие уши и лоб, «жиденькая бородка», «длинный нос и узенькие черные глазки», да к тому же еще крепко «зашибает водкой». Впоследствии мы узнаем, что он добрый, светлый и отзывчивый человек, подчеркивается несоответствие между внешностью и духовным миром героя.

В начале романа читатель находится в неведении относительно истинной сути образа Зотей. Тогда как герои романа видят это несоответствие, но по-разному относятся к Зотей. Для одних он – воплощение света и правды, хоть и на «костылях». Другие не воспринимают его всерьез, а в словах Шабалина можно услышать грубую насмешку, подчеркивание не душевной красоты, а ущербности героя.

В романе постоянно подчеркивается детское начало в образе Зотей как выражение его душевной чистоты, естественности². Он, божий человек, «святая душа», действительно как ребенок. Например, Феня, его племянница, перед своей смертью ласкает дядю как ребенка: «как только Феня слегла, так он и заявился, бледный, худой, с трясущимися руками, но с таким же кротким и любящим сердцем и почти женской мягкостью в характере» [Мамин-Сибиряк 1981:173]. В нем сохранилось восприятие мира, свойственное ребенку: вера в то, что добро всегда восторжествует над злом.

Мамин-Сибиряк часто характеризует Зотей как самого настоящего художника: «Вероятно, в силу своих художественных задатков Зотушка и пил иногда горькую чашу, как это делают и заправские художники» [Мамин-Сибиряк 1981: 245]. Вследствие своего творческого типа мышления Зотушка часто обращается к загадкам, притчам, духовным стихам, помогающим ему научить других

¹«Содержание духовного стиха чаще всего есть песня о страданиях героя: Христа, Адама, Лазаря, мученика, аскета» [Федотов 1991: 20–23].

²См.: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...» [Мф, 18, 1–10: 1034]

опосредованно, через образы: «Пусть, дескать, послушает старуха и мотает себе на ус», – думает он, загадывая «при случае» загадки матери [Мамин-Сибиряк 1981: 246].

«Но старуха и не думала слушать пение Зотушки, зато слушала его Нюша», другая его племянница [Мамин-Сибиряк 1981: 246]. Зотей Евстратыч – мудрый человек, способный оказывать воздействие на людей чистых душой. Так, говоря о Нюше, «умудренной горем», автор замечает, что ей пришлось дорасти «до философского воззрения Зотушки на жизнь», что отразилось и на внешнем облике героини: «Особенно хороши были у Нюши глаза – темные, глубокие, блестящие, они точно сделались больше и смотрели таким просветленным тихим взглядом, как у монахини» (курсив – Ю. Н.). [Мамин-Сибиряк 1981: 246].

Главное в образе Зотушки, хранимое им как величайшее сокровище, – это «полная незлобность и какое-то полное смирение, которым он так резко отличался от всех других мирских людей. <...> точно он вносил с собой струю “мирови мира”, которая заразительно действовала на всех, облекая одолевавшие их злобы» [Мамин-Сибиряк 1981: 122]. «Полная незлобность» и «полное смирение» в соединении с жизненной умудренностью, душевной чистотой и нравственной стойкостью сообщают слову Зотей Евстратыча, его мыслям и поступкам авторитетность, освященную, в понимании автора, свыше.

«Сила» слова героя в романе подчеркивается ссылками на разного рода авторитетные прецедентные тексты (Библия, житие, духовные стихи, притчи и т.п.). Не менее важны в раскрытии персонажа аллюзии на значимые для религиозной (или народной) культуры образы как опосредованное признание его правоты и мудрости.

Художественный мир романа, в который вмещен Зотей Брагин, – это мир «жилки», где люди одержимы жадной накоплением. Здесь царят грехи и пороки, сердца людей поддаются искушениям и злобе. «Дикое» золото пробуждает в человеке животное начало. С утратой истинной веры, уничтожением родственных связей теряется связь с живой жизнью, наступает господство «жилки», которая становится в романе символом зла, разрушающее воздействие которого сказывается на всех героях романа. Этому греховному миру «жилки» противостоит «святая душа» Зотей Брагин как носитель высших нравственных ценностей, укорененных в народном сознании. Образ этого героя становится одной из форм выражения авторской позиции в романе.

Таким образом, формирование «одухотворенного реализма» происходит в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка уже в 1880-е годы, о чем свидетельствует роман «Дикое счастье» (1884).

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское библейское общество, 1999. 1346 с.

Буслаев Ф. И. Русские духовные стихи // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике: Учебное пособие / под ред. Ю. Г. Круглова. – М. : Высшая школа, 2003. 710 с.

Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». – Л. : Наука, 1977. 191 с.

Дергачев И. А. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Критико-биографический очерк. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 336 с.

Житие и жизнь святого Алексия, человека божия [Электронный ресурс]. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=134817> (дата обращения: 30.11.2019).

Мамин-Сибиряк Д. Н. Дикое счастье. Роман. Золотая лихорадка. Очерки и рассказы / коммент. И. А. Дергачева. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1981. 447 с.

Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова [авт.: О. В. Зырянов, Л. М. Митрофанова, Н. В. Пращерук и др.]. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. 480 с.

Федотов Г. П. Стихи духовные. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. 192 с.

Фохт У. Р. Типологические разновидности русского реализма // Проблемы типологии русского реализма: сб. статей / под ред. Н. Л. Степанова и У. Р. Фохта. М. : Наука, 1969. С. 39–80.

Щенников Г. К. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» как явление национального самосознания. – Челябинск : [б. и.], 1996. 178 с. [XII с.].

Nozdrin Y. A. The imagery of Zotey in the novel of D. N. Mamin-Siberyak «Wild Happiness»: to the problem of «spiritual realism»

Due to reflecting on the image of one of the heroes of D. N. Mamin-Sibiryak's novels named «Wild Happiness» (1884), Zotey Bragin, the article raises an actual problem for modern studies of Mamin-Sibiryak's art – «spiritual realism». The article draws a parallel between Aleksiy, man of God, and Zotushka,

who becomes a bearer of religious and ethical values. In such a way this character is a form of expression of the author's position.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiryak, «Wild Happiness», image of Zotey Bragin, «spiritual realism»

Т. Е. Сулягина

(научный руководитель С. И. Ермоленко)

*Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия*

«Через край» В. А. Соллогуба: творческая неудача или итог творчества?

Аннотация: исследовательская задача автора статьи заключается в определении роли забытого ныне романа В. А. Соллогуба «Через край» (1885) в творческом наследии писателя. Рассматриваются утвердившиеся в литературоведении, без какого бы то ни было изучения романа, его характеристики: «незавершенный», «автобиографический», «неудачный», последняя из которых анализируется в опоре на существующие представления о феномене творческой неудачи. Делается вывод об итоговом характере романа В. А. Соллогуба, отражающем процесс творческой эволюции писателя.

Ключевые слова: В. А. Соллогуб, «Через край», роман, творческая неудача, Петр Ардаров, литературный тип.

Последнее произведение В. А. Соллогуба – роман «Через край», оконченный в 1881 году, но увидевший свет лишь после смерти автора в нескольких выпусках журнала «Новь». Публикация романа, согласно концепции Ю. Н. Тынянова, делает его «литературным фактом» [Тынянов 1977: 255–270]. Однако в истории литературы этого произведения словно бы и не существовало. Роман не удостоился ни единого отзыва, ни даже какого бы то ни было (пусть и негативного) упоминания. Современная писателю критика никак не отреагировала на появление романа в печати.

Не многим лучше сложилась судьба последнего произведения В. А. Соллогуба в литературоведении XX века. Исследователи, занимавшиеся изучением творчества писателя, традиционно обращались лишь к той его части, которая относится, согласно общепринятому мнению, к самому продуктивному периоду литературной деятельности В. А. Соллогуба – к повестям конца 30-х – первой половины 40-х годов. О позднем творчестве автора либо не сообщается вовсе, как о не заслуживающем внимания [Белкина 1972: VII, 52; Чистова 1988: 15; Якушин 1988: 20], либо приводится лишь одна общая фраза о дате публикации романа «Через край» [Венгеров 1990: XXX, 758; Ивинский 2017: XXX, 651], либо произведению дается краткая оценка, при этом не подкрепленная анализом текста. Так, в литературоведении утвердились три характеристики романа В. А. Соллогуба:

- «незавершенный» («Он [В. А. Соллогуб. – Т. С.] пишет еще свои “Воспоминания” и большой роман “Через край”, но ни то, ни другое ему уже не удастся закончить» [Белкина 1937: 45]);
- «автобиографический» («Кроме воспоминаний, он написал в это время роман “Через край”, посвященный истории своей вторичной женитьбы и изданный посмертно» [Кийко 1962: 14]);
- «неудачный» («Он будет работать над мемуарами... испытает странную любовь и даже сочинит крайне неудачный роман (тоже на мемуарной основе), который появится в печати только после смерти автора» [Немзер 1998: 15]).

Очевидно, причиной возникновения мнения о незавершенности романа стал его открытый финал. Завершенность / незавершенность произведения, как известно, может устанавливаться при наличии соответствующих документальных свидетельств. Так, редакция журнала «Новь», учитывая авторские пометки на рукописи («Париж. Апрель 1880 года» и «Ялта. Июнь 1881 года»), сочла роман «Через край» завершенным произведением: «Вероятно, первая пометка означает время окончания романа, вторая – окончательного исправления его и приготовления к печати» [Соллогуб 1885: 421]. Однако в полной мере оценить степень завершенности произведения можно только в ходе его научного осмысления. Авторы единственного исследования, посвященного анализу романа «Через край», – С. И. Ермоленко, Н. А. Валек – утверждают: «Целостность романного образа мира, созданного писателем, свидетельствует о *завершенности* произведения» [Ермоленко, Валек 2013: 241. Курсив авторов. – Т.С.].

Исследуя проблему автобиографичности в романе «Через край», мы пришли к выводу о том, что в произведении В. А. Соллогуба она достигается не только и не столько за счет введения биографических реалий жизни автора, а путем наделения героя автопсихологическими чертами, личным духовным опытом. В данном случае следует говорить не о совпадении жизненных коллизий героя и автора, а именно об их духовной близости. Сведение автобиографичности в романе лишь